

ХРОНИКА

© 1994 г. Г. Ф. УФИМЦЕВ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОЕЗДКИ В КАНАДУ НА ТРЕТЬЮ
МЕЖДУНАРОДНУЮ ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ

В этой заметке автор представляет не хронику, а именно впечатления от конференции и сопутствующих ей явлений и событий.

Для поездки ученых из бывшего СССР на Третью международную геоморфологическую конференцию (23—29 августа 1993 г. Канада, Онтарио, г. Гамильтон) международный научный фонд (фонд Сороса) выделил «командировочный» грант 0294 на 8 человек, которые могли принять участие в работе конференции. Реализовали предоставленную возможность четверо: А. П. Кулаков (Тихоокеанский институт географии ДВО РАН), В. М. Яцухно (Белорусский университет), А. О. Селиванов (Институт водных проблем РАН) и автор этих строк (Институт земной коры СО РАН). Вспомним, что на первой конференции в Манчестере из СССР был один человек, на второй во Франкфурте-на-Майне — два человека, а в Гамильтоне уже четыре. Налицо рост в геометрической прогрессии. Моя поездка в Канаду стоила около 5—5,5 млн. руб., и только 65 тыс. руб. из них оплатил Институт земной коры, а остальные расходы взял на себя фонд Сороса.

Основная работа по организации и проведению Третьей международной геоморфологической конференции была выполнена проф. Дерекком Фордом и Брайаном Мак Канном, при которых были один конгрессом, и в ее пленарные общие заседания вместились лишь незначительная часть программы. Большая часть научных докладов (в объемистый том официальных публикаций конференции включены тезисы 769 докладов, и большинство из них было представлено) была заслушана на секционных заседаниях, число которых в разные дни менялось от 6 до 12. Обычно на заседаниях присутствовало от 20 до 40 человек. Перечислять тематику всех секций было бы утомительно, и с общим содержанием докладов следует знакомиться через опубликованные тезисы. Но перечисление названий основных секций может дать общее представление о современных тенденциях развития мировой геоморфологии.

Утром 24 августа после церемонии открытия конференции заседали семь секций: флювиальной геоморфологии, оползневых процессов и массовых смещений, эрозии почв, полевых экспериментов, методов исследования, геоморфологии берегов, природной опасности. После обеда вели работу уже 12 секций. К упомянутым выше добавились секции моделирования, тектонической геоморфологии, лёссов и эоловых процессов, перигляциальных форм рельефа и др.

Если оценивать содержание докладов в целом, то явно видна их практическая направленность, достаточно узкая специализированность и в большинстве территориальная ограниченность. Всему этому сопутствуют детальная проработанность темы исследования и хорошее представление полученных материалов. Все это, видимо, характеризует общую тенденцию в развитии геоморфологических исследований за рубежом: преимущественно выполняются работы с достаточным финансовым обеспечением. В России эта тенденция, видимо, будет тоже усиливаться в связи с известными преобразованиями и сокращением ассигнований на «чистую науку». В этом имеются свои плюсы и минусы, о которых я надеюсь сказать ниже.

Доклады обычно сопровождался хорошим иллюстративным материалом на слайдах, и потому вся работа проходила в затемненных помещениях. Лично мне это не нравилось. В научном докладе всегда присутствуют две направленности: театральность и академичность, и первая из них безусловно преобладает при работе со слайдами, а затемнение помещения часто вызывает в докладчике излишнюю раскованность. Пожалуй, главное, что здесь теряется: это дух соревновательности между до-

кладчиком и аудиторией, что позволяет первому изменить свою роль и превратиться в лектора. Мне кажется, что традиционное представление докладов более соответствует духу науки, но это, конечно же, мое субъективное мнение.

Мне пришлось своим докладом «Удивительное время рельефа» открывать вечернее заседание секции моделей и моделирования в геоморфологии 24 августа. Согласитесь, что при нашем обычном знании английского языка сделать доклад на нем довольно тяжело. Предварительная разведка аудитории, где заседала секция, расставила все на свои места и внесла полное успокоение — я увидел диаскоп и прочие демонстрационные приборы, надежно прикованные цепями. Согласитесь, родные мотивы! И потому доклад делал спокойно, более нажимая на использование мела и классной доски. Поскольку были заданы вопросы, меня, кажется, кто-то понял.

Еще одна особенность в работе секционных и пленарных заседаний конференции. Это длинные и потому теряющие конкретность вопросы докладчикам и столь же длинные ответы, порой превращающиеся в дополнительные доклады. Не заключается ли в этом тоже потеря духа академичности и соревновательности?

Демонстрационные доклады на конференции не были многочисленными. Как правило, они были хорошо оформлены, и содержание их, благодаря этому, было понятно и для людей с неважным знанием английского. В числе этих докладов была представлена новая геоморфологическая карта Китая и сопредельных территорий м-ба 1 : 4 000 000. Главная ее особенность — практически полная подчиненность идее тектоники литосферных плит. Хорошо это или плохо, можно судить по-разному. Лично я в такой работе поступил бы иначе — шел бы от реального рельефа и в финале работы имел бы возможность высказать обоснованное суждение о том, в какой мере тектоника литосферных плит оказывает влияние на рельеф земной поверхности. При противоположном же подходе, в общем связывающем инициативу геоморфолога, Предгималаи, горы Северной Бирмы, южный склон Монгольского Алтая и Куныльну оказываются одним и тем же.

В программе конференции были запланированы лекции во время обеденного перерыва, и они собирали значительную аудиторию. Лекции эти были прочитаны известными геоморфологами и великолепно иллюстрированы многочисленными слайдами, в том числе текстовыми, которые при этом повторялись докладчиками. Эти пленарные лекции были посвящены проблемам гляциальной геоморфологии (Дж. Боултон, Англия; Дж. Шау, Канада), коралловым постройкам (Е. Ото, Япония) и карсту (Д. Форд, Канада) и др.

Были проведены также «великие» дебаты, посвященные посланию теперь уже бывшего президента Международной ассоциации геоморфологов проф. Денниса Брандена, опубликованному после 2-й конференции в *Zeitschrift für Geomorphologie*, N. F., Suppl. V. 79. 1—37, 1990, в котором предложены «десять заповедей геоморфологии». Заявленными оппонентами были Х. Бремер, В. Вейкер, Р. Твидейл и Е. Яцу; содержание выступлений первых было представлено в виде тезисов, а последний представил отписки своей статьи «Сделать геоморфологию более научной», опубликованной в трудах Японского геоморфологического союза (13—2, с. 87—124, 1992). Лично мне кажется, что геоморфологии и ранее не требовалось становиться более научной. Надо сказать, что дискуссии на конференции проходили в свободной атмосфере.

Официальные заседания международной ассоциации геоморфологов были посвящены обычным для такого случая мероприятиям: отчеты и выборы, обсуждение текущих дел и выбор места проведения следующей конференции. Здесь конкурировали Япония, Китай и Италия. С большим отрывом победило итальянское предложение, и 4-я конференция состоится в 1997 г. в Болонье, в старейшем университете Европы. Президентом ассоциации избран проф. Д. Барш из Гейдельбергского университета (Германия), а вице-президентом — проф. О. Слаймакер из Ванкувера (Канада). Из организационных материалов, полученных участниками конференции, можно узнать о ее бюджете, о членстве. Наибольший финансовый вклад в бюджет ассоциации за последние 4 года внесли Германия, Италия, Япония (по 1000 долларов США ежегодно), скромнее вклад США (350 долларов и только в 1993 г.), аккуратны Канада, Франция, Англия (по 500 долларов ежегодно). А перед Россией стоит задача догнать Белоруссию, Ботсвану, Израиль и Зимбабве и проникнуть в группу ассоциированных членов.

Самое незабываемое мероприятие — это поездка на Ниагарский водопад. Зрелище величественное и поучительное: цепеный природный феномен в зоне сплошной городской застройки. Мало того, на канадской стороне энергию Ниагары используют две гидроэлектростанции, и ни одна из них водопада не касается. Скорее наоборот, отбор из реки части потока уменьшает скорость отступления водопада и тем самым сохраняет его современный незабываемый облик. Наглядный пример простоты истины: где точно воплощается в реальность научная и инженерная мысль, там не нужны экологические истерики.

Теперь, я полагаю, самое время поговорить о наших задачах. Что нам делать, чтобы стать хотя бы ассоциированным членом этой международной организации? В первую очередь мы должны создать Товарищество русских (российских) геоморфологов. Форма его организации может быть различной: самостоятельное научное общество или в составе Русского географического общества. Важно иметь устав товарищества и форму его официальной регистрации такими, которые позволяли бы зарабатывать на взносы и со временем перебраться в Зимбабве, поднявшись хотя бы до национальных участников I-го уровня (100 долларов ежегодно).

Мы удовлетворены работой нашей Геоморфологической комиссии РАН. В прошлом это была действительно наиболее приемлемая форма нашей организации в прошлых же наших политических условиях. И если последние приказы долго жить, то и в современных наших условиях научно-организационное значение Геоморфологической комиссии сохраняется и даже должно возрастать. И в первую очередь благодаря реализации новых возможностей, из которых главная — создание Товарищества русских геоморфологов как наиболее приемлемой формы вхождения в международную геоморфологию.

Товарищество русских геоморфологов должно включать в себя достаточно самостоятельные в своих действиях региональные подразделения, потому что нам нужны творческие встречи и контакты минимум трех уровней: международные, российские и региональные. А деньги на взносы нам надо научиться зарабатывать нетрадиционными методами: продажей книг и карт, организацией выставок-продаж и т. п.

Это все о юридическом нашем вхождении в мировую геоморфологию, заботящем, кстати, многих из прошлого и нынешнего руководства Международной геоморфологической ассоциации (проф. Д. Бранден, О. Слаймакер и др.). В общем-то незримость русской геоморфологии волнует многих и волнует совершенно искренне. В этом нельзя обмануться. А каково же наше «научное место» в мировой геоморфологии? Какова наша в ней «экологическая ниша»?

На этот вопрос мне сейчас ответить несложно. Я уже говорил, что и тезисы докладов говорят о явном преобладании прикладных или узкоспециализированных исследований. В секциях 3-й международной геоморфологической конференции вы не найдете аналогов нашего Иркутского семинара по теоретической геоморфологии — может быть, для этого надо отрешиться от финансового благополучия, чему мы давно обучены, или иметь некоторую философичность умонастроения? Я полагаю, что здесь и в широких геоморфологических обобщениях, от которых мы еще не отучены, и располагается наше место в международной геоморфологии. И в этом убеждают меня беседы с коллегами из других стран, учившимися в нашем Отечестве. Например, участники мексиканской делегации говорили, что обучение у нас дает им определенные творческие преимущества в силу солидной подготовки в области теории геоморфологии. Это было приятно слышать, и слышали мы это не только от мексиканских коллег.

Атмосфера на конференции была самая доброжелательная, а вечерние неофициальные встречи, великолепно организованные, способствовали установлению полезных и творческих связей.